

**НИКТО НЕ ЗАБЫТ
И НИЧТО
НЕ ЗАБЫТО!**

ОТДЕЛЬНЫЙ, ОСОБЫЙ...

ТЫСЯЧИ ленинградцев каждый день бывают пассажирами электрички Ленинград — Зеленогорск — Рошино. Поезд проходит Песочное, Дибуну. Еще несколько минут, и возникнет станция Белоостров. Вот последнее перед нею пересечение шоссе и железной дороги. Мелькнул с двух сторон шлагбаум, мелькнула будка дорожного мастера... Теперь взгляните в окна! По обеим сторонам за ними глубокие снега. Направо — лесной молодой, массив тонкоствольных осин и берез. Налево лес густ, могучи сосны и ели, а прогалыны тоже сплошь в мелколесье. Через минуту-две разветвятся за стрелками железнодорожные пути. Слева, под кромкою сосняка, виднеются торчаше из глубокого снега руины, а за ними — небольшое мертвоглазое бетонное сооружение. Еще метров двести на пути к станции — коричневый, деревянный и, судя по изломанным бревнам, явно необитаемый дом. Но это не дом. Что это?... А справа от поезда — уходящая в лес просека канава, заполненная белейшим снегом. Она рассекает серый, девственный лесок...

За несколько дней до нового года здесь, утопая в снежных буграх, проваливаясь в припорошенные ямы, о чем-то бурно спорили, останавливались и подолгу молчали, что-то искали мужчины в зимних пальто, женщины в шубах, дети. Дети резвились, смеялись, прокладывая валенками тропинки, а потом, что-то услышав, тоже умолкали. Одна из женщин ногой долго разгребала снег и, наконец, расчистила обнажившиеся под ним каменные ступени. Остановилась, выпрямилась, поблещала. Отвернулась от всех, смахнула шерстяной перчаткой слезы.

Будь здесь посторонний наблюдательный прохожий, он обратил бы внимание: среди десятков взрослых здесь были люди только старше сорокалетнего возраста, а в стайке школьники и школьников не было никого старше пятнадцати лет. Людей среднего возраста не было. Ни одного! Странно. Но еще более странным покажется, если я, вместе с именами, назову профессии этих людей, столь несхожие, что не поймешь, по какому же признаку объединились все, кто собрался здесь?

Вот некоторые из них. Высокий, статный мужчина — ученый, кандидат педагогических наук Александр Куракин. Телефонистка междугородной станции Любовь Ольшева. Проектировщик железнодорожных мостов, исследователь Диксона, Таймыра, Колымы, Чукотки и полуострова Мангышак Александр Оленский. Начальник смены 2-й ГЭС Никита Азаров. Машинистка Военно-медицинской академии Клавдия Перлова-Гультяева. Начальник отдела кадров треста Федор Шамрыха. Начальник производственной базы одной из ленинградских организаций Юрий Сафонов. Инструктор по профилатике Балтийского завода Анатолий Маков. Зубной техник Валентина Потапова-Лебедева. Партработник Владимир Сидоров. Полковник из Главного полуправления Вооруженных Сил Алексей Трепалин... А дети — Галя, Света, Дима, Саша, Ира и другие — учащиеся восьмиклассной белоостровской школы № 428...

Объясню: тот деревянный дом, что виден был из окна вагона, — лишь изветшалый с военного времени маскировочный «чехол», покрывающий собой большой, круглый железобетонный дот, избитый осколками мин и снарядами. Тот маленький, из бетона, был в разгар боев складом артснабжения. Та канава — бывлой противотанковый ров. Мелколесье не было: местность в кустарнике просматривалась насквозь. По тем каменным ступеням медсестра Валя Потапова и ее подруга Аня Дунаева в сорок первом году вносили в здание медпункта (позже сметенное огнем) сотни раненых, вытасненных ими с поля боя, и отсюда после перевязок отправляли в тыловые госпитали под надсадной вой мин. 8 декабря 1941 года Аня, спасая в бою раненого бойца, была убита...

А все взрослые, собравшиеся здесь люди 27 лет назад были боевой семьей 1-го отдельного особого батальона морской пехоты, слепшно сформированного из снятых с кораблей балтийцев 1 сентября 1941 года. В тот день их по списку было 960 человек. К концу 1968 года среди живущих на свете людей удалось разыскать 32 человека. Об этих людях и погибших в боях их товарищах я рассказывал в 41-м году в

моих военных корреспонденциях. Одну из них под тем же названием «Отдельный... Особый...» опубликовал в конце того года в «Ленинградской правде».

Люди, о которых я писал тогда и пишу сейчас, — все храбрцы, все герои. Только детей этих еще не было, были другие, убитые вражескими снарядами в самом Белоострове и окрест него. А эти — «красные следопыты», под руководством своих учительниц Ирины Чудновской и Валентины Шевелевой, создавшие при школе «Музей военной славы». Они знают давнее поле ожесточенных боев не хуже, чем сами балтийцы — тогдашние краснофлотцы, командиры, политработники.

Сформированный в Ленинграде за шесть грозных часов батальон балтийцев на рассвете 2 сентября 1941 года вышел с музыкой и комсомольскими песнями, чтобы закрыть никем в тот день не оберегаемый рубеж, грозивший прорывом врага в наш город. Мало кто из бойцов батальона в тот день был знаком с приемами боя на суходулье, умел владеть гранатой, винтовкой, минометом: на кораблях воюют иначе. В первом же бою за захваченный врагом Белоостров на этом, пронесшемся мимо окон электрички, клочке земли батальон потерял больше половины своего состава. В критический момент боя политрук минометной роты Алексей Трепалин, взяв командование батальоном на себя, вывел из под губительного огня всех прижатых к болотной земле уцелевших, организовал на закрепленном рубеже отпор. А затем за несколько суток, совмещая обязанности комбата и комиссара, сплотил, обучил балтийцев, вновь зажел их негасимым боевым духом. И враг не прошел! 20 сентября Белоостров был отбит у врага, стал вместе с Сестрорецком незыблемым северным рубежом Ленинграда, вплоть до победного наступления наших войск в 1944 году, когда Выборг и весь Карельский перешеек были освобождены навеки.

На участке Белоостров — Александровка — Каменка батальон вел бой до весны 1942 года. Тогда некоторые морские специалисты были возвращены на флот, а все прочие переброшены в составе стрелковой дивизии на еще более ответственный участок — под Красный Бор. Там, пополненные моряками, они составили полк. Перед тем один из отважнейших воинов батальона — рослый, красивый душой и телом лсафатовец, командир разведки, старший лейтенант Георгий Иониди в письме к своей отозванной в Кронштадт жене Вале Потаповой написал:

«...Ты спрашиваешь, как дела в батальоне? Тают он, как свечка. 14 марта 1942 года на моей операции был убит Микола Цибенко (он все же перешел ко мне). На этот раз две пули попали ему прямо в сердце. Как раз перед этой операцией у меня был и беседовал бригадный комиссар В. Вишневецкий. Он пишет книгу о балтийцах на защите Ленинграда и сказал, что наш батальон войдет в историю...».

Иониди и Цибенко, совершившие легендарные подвиги, были известны всему фронту. Славой и гордостью батальона были также командир стрелковой роты Н. Азаров, изобретатель метода «кочующих» минометов, командир минометной роты Ю. Сафонов, краснофлотец А. Куракин, вынесший с поля боя раненого начштаба капитана Голубева (сам раненый, он тащил его по канаве более полутора километров), и некоторые другие. Все они проявили храбрость, необычную даже для моряков.

В Белоострове я был при штурме 20 сентября. Был в батальоне морской пехоты в октябре, в ноябре. Жил жизнью его людей, дружил с ними, любовь и уважение к ним навсегда осветили мое сердце. Через двадцать лет первым томом книги «Ленинград действует!» я начал публикацию моих дневников. В этом томе рассказал все, что знал о боевых буднях и подвигах морских пехотинцев. Но печаль не оставляла меня все эти двадцать лет, потому что сразу после войны и позже

я разыскивал и не находил людей этого батальона. Найти хотя бы одного из них! Мне отвечали: «Нет! От того батальона никого в живых не осталось!». Я ездил на места боев, расспрашивал жителей — тщетно. Но не верил ответам. Был убежден: найду!

Первых двух друзей мне нашла моя книга в том же 1961 году. Откликнулись, и у меня в квартире впервые после войны встретились со мной и друг с другом бывший комбат полковник А. Трепалин и бывшая медсестра В. Потапова. От нее я узнал о трагической гибели Г. Иониди: в октябре 1943 года вышел на резиновой шлюпке в морскую разведку к занятому врагом острову, чтоб взять на нем «языка» — непременно немецкого офицера. И выйти с ним в море. Взял. Вышел. И вместе с пленным замерз в холодных морских волнах. Из приведенного выше письма я узнал о гибели такого же, как он, храбреца Микола — главстаршины Николая Цибенко, бородача, дерзкого, невозмутимого человека, однажды в атаке на дот (вместе с Азаровым и Куракиным) прошито го семью пулями, но в тот раз уцелевшего и сбежавшего до полного выздоровления из госпиталя на передовую в свой батальон. (Это было при мне, и я тогда поразился могучей силе духа и выносливости удивительного человека). Он снова и снова ходил в бой.

После встречи с Вале и с Трепалиным снова долго никого не удавалось найти. Мы уже было привыкли считать: вот они только и уцелели двое.

Ну, а потом... Помогли обращения по радио и телевидению. Больше всех помогла в общих поисках энергичная Любовь Ольшева, связистка батальона (отбивавшая из пулемета атаки врагов, преодолевшая свое тяжелое ранение, а теперь телефонистка Ленинградской междугородной станции). Словом, к концу 1968 года нашлись еще 30 человек. Иные из них участвовали в боях на Невском «пятакче» (например, Клава Перлова), в прорыве и в полном снятии блокады. Некоторые прошли с боями победный путь до Германии, Чехословакии.

Первая встреча друзей состоялась в декабре 1968 года в Ленинградском матросском клубе, в том самом здании, где формировался батальон, откуда он впервые выходил на фронт. Бывают же такие редкие и многозначительные совпадения! Мне выпало счастье участвовать в этой встрече, во время которой люди плакали и смеялись, грустили и радовались.

И вот что хочется сказать в заключение. Жили на свете перед войной люди, неведомые один другому, ничем до начала службы в КБФ не связанные: электромонтер Кировского завода Сафонов; секретарь Териокского горкома партии В. Сидоров; ученик медицинского училища Толя Маков; зоотехник Ф. Шамрыха, рабочий из семьи революционеров пятого года, а потом начальник проектного отдела бумажной фабрики им. Володарского Н. Азаров и другие. Много, много других, разных по своим интересам и целям. Комсомольская молодежь, кто постарше — члены партии. Мирные люди. И вдруг — война! С первых дней ее они оказались вместе в боях. И даже еще не успев перепознакомиться, но равно презирая страх и самую смерть, выручали один другого, прикрывали соседа оружием, а надо — и своим телом. С честью и достоинством, свято храня память о потерянных навсегда друзьях, защитили Родину — единодушно, бесстрашно и вдохновенно! И после войны каждый вновь нашел свой трудовой путь. Потерявший ногу Сафонов и поныне не расстаётся с военной службой, матрос Куракин стал кандидатом наук. Почти все они были не раз и не два ранены. И дружба их — навсегда, нет роднее людей друг другу, ибо удивительно свойство вместе пролитой животворной крови!

А на месте гибели боевых товарищей они обязательно поставят памятник. Еще один памятник героям Великой Отечественной войны.

Павел ЛУКНИЦКИЙ